

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1(049.32)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-00

А. В. Тагильцев
Екатеринбург, Россия

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ИЛИ ИСТОРИЯ КОНЦЕПЦИЙ? ВЗГЛЯД НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ РОССИИ (Лобин А. М. Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. — Ульяновск: УлГТУ, 2015. — 310 с.)

Ключевые слова: история, концепция, Россия, идентичность, современная литература, автор.

A. V. Tagiltsev
Yekaterinburg, Russia

CONCEPTS OF HISTORY OR HISTORY OF THE CONCEPTS? VIEW ON THE ARTISTIC DIALOGUE ABOUT RUSSIAN PAST AND FUTURE (Lobin A. M. «Author's concepts of Russian History in Russian literature of the 21st century» — Ulyanovsk, 2015 — 310 p.)

Keywords: history, concept, Russia, identity, modern literature, author.

Продуцирует ли писатель новые социальные смыслы или его тексты являются, скорее, выражением коллективных (бес)сознательных идей и представлений? В какой степени литература формирует взгляды, идеалы и ценности социума, связанные, в том числе, с собственной культурно-исторической идентичностью? Что оказывается во главе угла — воля и представление автора или ожидания читателя и куда не исчезающие ни в одной общественной формации элементы социального заказа?

В любом основательном литературоведческом исследовании (а именно к такому разряду относится монография А. М. Лобина) приходится учитывать подобный перечень вопросов, если его автор стремится соотнести своеобразие литературного материала и особенности поэтики с глубинной социально-философской проблематикой. История как предмет художественного осмысления требует, по мысли А. М. Лобина, сформированной в сознании писателя историософской идеи, степень оформленности которой определяет успех и значимость литературного произведения [Лобин 2015: 13]. В соответствии с этой логикой, любой писатель, задумывающийся о смысле и назначении истории, отражает свою логику в рамках авторской концепции, определяющей художественный мир произведения. Правда, при этом упомянутый ранее вопрос о первичности и вторичности писательских представлений и их оригинальности остается открытым. Справедливости ради, надо отметить, что исследователь разводит понятия презентации и репрезентации авторских исторических идей, по всей видимости, в зависимости от степени их глубины и сформированности [Лобин 2015: 14—15].

Не сбрасывается со счетов и влияние социума. А. М. Лобин отмечает, что «содержание работы определяется теми запросами и проблемами, которые интересуют современного читателя» [Лобин 2015: 21]. Становится объяснимым необычайная популярность

различных форм диалога с историей, в том числе, игрового, в современной культуре как насущная потребность в ориентирах, уточняющих и проясняющих векторы движения нынешней общественной мысли. История предстает в первую очередь не как результат, а как процесс (идуший из прошлого, но соотнесённый с настоящим и детерминирующий будущее), что соответствует современным научным представлениям, причем представлениям междисциплинарным. Не случайно в качестве научных ориентиров упоминаются, например, как литературоведческие исследования А. П. Скафтымова, так и монография М. А. Барга, во многом сформулировавшая в отечественной науке представления об историзме мышления [Барг 1987].

Да и ощущения современного общества созвучны этим представлениям — не случайно так активно идёт борьба за те или иные версии истории, и это не специфика только нынешней российской действительности. В зарубежной (западной) традиции уже к 1970-м гг. оформилось в качестве предмета научного осмысления такое явление, как «публичная история» (public history), отражающее весь спектр общественного отношения к исторической проблематике, выражающегося, в том числе, в сфере культуры и искусства (в русском переводе с основными положениями этого направления можно познакомиться, например, по публикациям журнала «Неприкосновенный запас», см., например [Аккерман Ф. (и др.) 2012]).

Особенность современного литературного процесса связана с актуализацией прогностической функции искусства и созданием художественных моделей будущего России в контексте исторических процессов, характерных как для нашего общества, так и для мировой цивилизации в целом. Активизация данной тематики в отечественной литературе несомненна, причем как в «серьёзном», так и в «игровом» форматах (впрочем, в современной литературе граница между ними зыбка и зачастую отсутствует, это отмечает и А. М. Лобин, рассуждая о

популярном сейчас понятии «миддл-литературы» [Лобин 2015: 21—22]). Несомненно, что литературная жизнь тесно связана с политической и социокультурной ситуацией, с поисками дальнейших путей развития российского общества, национальной, государственной и политической идентичности. Необходимость не просто констатировать этот факт, но осмыслить его в свете ведущих художественных процессов, увидеть философское и эстетическое многообразие поисков писателей, связана с выявлением в современном литературном процессе ведущих парадигм, с помощью которых моделируется художественный образ России, а также уточнение жанрового ядра или ведущих способов моделирования художественного мира.

Современная художественная литература становится одной из форм поиска ответа на социально значимые вопросы, отражая проблематику, характерную для российского общества, находящегося в процессе коррекции своей идентичности. Дискуссии об исторической парадигме России питают и мысль художественную, продуцируя тексты, созвучные читательским интересам и ожиданиям, центральный образ в которых — образ России в различных временных планах. Возникает сложная и многоаспектная художественная реальность, в которой гипотезы о будущем России во многом прорастают из полемики о её истории и современном состоянии. Точки зрения авторов соотносятся не только с различными общественно-политическими и социокультурными сценариями, но и порой с противоположными философскими и цивилизационными подходами к судьбам страны.

Таким образом, оказывается вполне логичен и закономерен некоторый «перекос» в структуре работы, когда в монографии о художественных концепциях российской истории только один из трёх разделов (и, соответственно, три из девяти глав) посвящены более или менее классическим формам исторической прозы — различным версиям жанра исторического романа. Остальные связаны с такими крайне популярными у современного читателя формами, как утопия, антиутопия, альтернативная история, фантастика — в разных, порой весьма причудливых комбинациях.

Поэтому цель работы, определяемая А. М. Лобиним, как «выявление и анализ концепций истории наиболее известных авторов, писавших о российской истории в XXI в., а также характеристика используемых ими художественных средств презентации и репрезентации своих исторических концепций» [Лобин 2015: 15], на наш взгляд, даже несколько более локальна, чем общее впечатление от монографии. В том числе потому, что сам принцип отбора ряда имен важен, но не универсален. Несомненно, что имена Б. Васильева, А. Иванова, В. Сорокина, В. Пелевина, В. Рыбакова относятся к числу «наиболее известных авторов». Но не меньшее количество имен в исследовании подробно не представлены (по вполне объективным причинам — невозможно охватить все).

Отсутствует, к примеру, имя Л. Юзефовича, чья и игровая, и документальная историческая проза не только пользуется большой любовью читателей, но и

встречает неизменное признание и глубокое уважение в самой писательской среде. Нет автора одного из наиболее удачных исторических романов последних лет Е. Водолазкина. Отсутствует упоминание о концепциях советского прошлого, занимающих важное место в прозе так называемого «нового реализма», особенно в творчестве З. Прилепина и С. Шаргунова. Не попадают в орбиту исследования и такие полярные по отношению друг к другу и во многом противоречивые, но, тем не менее, весьма резонансные фигуры, как Д. Быков и А. Проханов, а ведь творчество каждого из них является полем жесточайшей полемики о судьбах России. Перечисленные писатели, равно как и названные выше авторы, чьё творчество исследует А. М. Лобин, несомненно, являются весьма важными фигурантами современного литературного процесса. На наш взгляд, ощутимо более значимыми, чем некоторые из тех, чьё творчество также анализируется на страницах монографии, например, А. Волос или некоторые авторы-«альтернативщики».

Но в том и дело, что об именах можно спорить — это, отчасти, вопрос вкуса. Исследование А. М. Лобина ценно не только перечнем имён и охватом самого литературного материала. На наш взгляд, важным результатом классификации и систематизации художественного опыта становится не просто обзор вариантов художественных версий российской истории в современном социокультурном контексте. В монографии выстраивается своя концепция воплощения и осмысления исторической проблематики в рамках ведущих художественных стратегий, от традиционализма до постмодернизма, возникает картина их динамики, взаимодействия и взаимоотталкивания.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что монография А. М. Лобина в значительной степени продолжает складывающуюся в современной науке традицию как литературоведческих, так и междисциплинарных исследований, посвященных парадигме российской истории, её воплощению в искусстве и осмыслению в рамках практики современных гуманитарных исследований. Можно отметить такие работы, как «Возвращение тритона» М. Н. Липовецкого и А. М. Эткинда [Липовецкий, Эткинд 2008], «Российские утопии» Б. Ф. Егорова [Егоров 2007], коллективную монографию «Русский проект исправления мира» под редакцией Н. В. Ковтун (участником которой был и А. М. Лобин) [Русский проект 2011] или объёмный сборник «Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии», в котором собраны исследования, представляющие «антропологическую картину будущего», опирающуюся на историческую социокультурную рефлексию [Пути России 2012].

Сама монография А. М. Лобина, как уже отмечалось, состоит из трёх частей, каждая из которых, кроме конкретного тематического наполнения, соотносится с определёнными художественными стратегиями и соответствующими им жанровыми формами. В первой главе «Государство и личность...» рассматриваются произведения трёх авторов, наиболее близко соотносящиеся с привычными для читателя

формами исторической прозы, в которых центральное место занимает реконструкция образа прошлого и проблема исторического характера через призму современного авторского сознания. Но анализ и здесь демонстрирует нам три разных варианта: наиболее близкий к традиционной форме исторического романа «Князь Святослав» Б. Васильева, модификация этого жанра с тяготением к мифопоэтике как главному мирообразующему принципу в «Сердце Пармы» А. Иванова и, наконец, интеллектуальный эксперимент в «Вечерах с Петром Великим» Д. Гранина.

Во второй главе рассматривается, как мы уже отмечали, образ будущего, она посвящена постмодернистским антиутопиям В. Сорокина, В. Пелевина и А. Волоса, в основе которых всё та же парадигма русской истории. В финале этого раздела А. М. Лобин приходит к важным наблюдениям не только о диаметрально противоположном восприятии отношений между государством и личностью (что вполне логично демонстрирует разницу между группами текстов первой и второй глав с учётом выбранных их авторами литературных стратегий), но и о диалектике России как культурно-исторического проекта.

Наконец, в третьей главе собран и проанализирован пёстрый и, в то же время, живой и интересный литературный материал, связанный с особенностями диалога с историей в различных жанровых формах современной беллетристики — стилизациях под исторический детектив, фантастических утопиях, а также так называемой «альтернативной» истории с распространённым сейчас типом героя-«попаданца». В центре внимания в этой главе творчество Б. Акунина, В. Рыбакова (и его совместный с И. Алимовым проект под псевдонимом «Хольм Ван Зайчик»), а также некоторых создателей романов-«исторических альтернатив».

Таким образом, исследователь собирает, структурирует, а отчасти и вводит впервые в научный оборот обширный литературный материал, осмысливая художественные версии диалога с отечественной историей в рамках собственного представления о тематике, проблематике, жанровых разновидностях и художественных стратегиях, наиболее значимых для современной российской прозы, авторы которой в той или иной форме обращаются к историческим концепциям в контексте своего художественного мира. На наш взгляд, монография А. М. Лобина стала серьёзным научным событием, создающим ориентиры, позволяющие более емко и

многомерно воспринимать тенденции внутри современного литературного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Аккерман Ф., Аккерман Я., Литке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // *Неприкосновенный запас*. — 2012. — № 3 (83). — С. 233—244.

Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // *Отечественные записки*. — 2004. — № 5 (20). — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-vozpriyatiya-vremeni> (дата обращения: 08.03.2016).

Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М.: Мысль, 1987. — 348 с.

Егоров Б. Ф. Российские утопии. — СПб: Искусство-СПб, 2007. — 416 с.

Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман // *НЛО*. — 2008. — № 6 (94). — С. 174—206.

Лобин А. М. Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. — Ульяновск: УлГУ, 2015. — 310 с.

Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Т. XVII. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 624 с.

Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX—XX веков: колл. мон. / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 408 с.

REFERENCES

Akkerman F., Akkerman Ja., Litke A., Nisser Zh., Tomann Ju. Prikladnaja istorija, ili Publichnoe izmerenie proshlogo // *Neprikosnovennyj zapas*. — 2012. — № 3 (83). — S. 233—244.

Artog F. Tipy istoricheskogo myshlenija: prezentizm i formy vozprijatija vremeni // *Otechestvennye zapiski*. — 2004. — № 5 (20). — Rezhim dostupa: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-vozpriyatiya-vremeni> (data obrashhenija: 08.03.2016).

Barg M. A. Jepohi i idej. Stanovlenie istorizma. — M.: Mysl', 1987. — 348 s.

Egorov B. F. Rossijskie utopii. — SPb: Iskustvo-SPb, 2007. — 416 s.

Lipoveckij M., Jetkind A. Vozvrashhenie tritona: Sovetskaja katastrofa i postsovetiskij roman // *NLO*. — 2008. — № 6 (94). — S. 174—206.

Lobin A. M. Avtorskie koncepcii rossijskoj istorii v russkoj literature XXI veka. — Ul'janovsk: UIGTU, 2015. — 310 s.

Puti Rossii. Budushhee kak kul'tura: Prognozy, reprezentacii, scenarii. T. XVII. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. — 624 s.

Russkij projekt ispravlenija mira i hudozhestvennoe tvorcestvo XIX—XX vekov: koll. mon. / отв. red. N. V. Kovtun. — M.: FLINTA: Nauka, 2011. — 408 s.

Данные об авторе

Александр Васильевич Тагильцев — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: bf110zer@yandex.ru.

About the author

Alexandr Vasilyevich Tagiltsev is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Literature and Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).